

ОКСАНА ОБУХОВА

ФЛАГ ФЪРАБАНИ И ПАРОВОЗ

Опасные удовольствия

Оксана Обухова

Флаг, барабан и паровоз

«Центрполиграф»

2019

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Обухова О. Н.

Флаг, барабан и паровоз / О. Н. Обухова — «Центрполиграф»,
2019 — (Опасные удовольствия)

ISBN 978-5-227-08678-5

Способность Линки Синициной, близкой подружки Евдокии Землероевой, влюбляться в кого попало обычно не доставляла Дусе особых неудобств. Все Линкины увлечения Дуся классифицировала как безнадежных лузеров, но новый кавалер совсем не походил на неудачника, он был на редкость хорош. Дуся даже не слишком напряглась, когда Сергей пригласил девушек проехать отдохнуть в Н-ск, в котором у него были какие-то дела. Она отпустила подругу с легким сердцем, но сама ехать категорически отказалась. Последнее крупное расследование частного детектива Землероевой было связано с этим городом, и после него Дуся стала невольным носителем смертельно опасного компромата. Нет уж, в Н-ск она теперь ни ногой... Когда спустя несколько дней подруга перестала выходить на связь, она с ужасом в душе поняла: беззаботная Линка в заложницах, и вызволять ее придется Дусе.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08678-5

© Обухова О. Н., 2019
© Центрполиграф, 2019

Оксана Николаевна Обухова

Флаг, барабан и паровоз

© Обухова О.Н., 2019

© «Центрполиграф», 2019

© Художественное оформление серии, «Центрполиграф», 2019

* * *

Закон «Влюбляются всегда не в тех» в случае с Синицыной работал безотказно. Причем без особенной разницы к предмету: Линка умудрялась одинаково увлечься и анемичным очкариком Толиком с могучими познаниями в поэзии Бродского, и бородатым беззубым байкером Потапом в пропотевших джинсах. Могла проявить интерес к унылому соседу в растянутых трениках, зато с загадочной тоской в глазах.

По мнению Евдокии Землероевой, всех Линкиных бойфрендов роднило емкое понятие – лузер, но подруга с ней не соглашалась. Ведь назови кто байкера Потапа неудачником, без выбитых зубов опять не обошлось бы. Скажи кто Толику Инюхину, что он маленько отстает по части мужеской доблести, то разговор затянется на полные сутки и не вариант, что победа останется за оппонентом – Толик тип занудный, энциклопедический, свое умеет доказать и взять измором.

Короче, Синицына и Землероева правы каждая по-своему. Евдокия для себя постановила, что у подруги чрезмерно развит материнский инстинкт, и с нравоучениями не встревала: Ангелина Владимировна девушка сознательная, образованная, тараканы в ее голове не застревают, а медленно выходят самотеком.

И посему, когда запропавшая на несколько дней Синицына заявила к Дусе в гости с глазами горящими, как два раздутых вольным ветром уголька, Евдокия приготовилась к рассказу о новом таракане Толике-Потапе...

Ошиблась. Синицына повстречала заезжего бизнесмена и тусила с ним три дня в лучших традициях столичного полусвета. Словом, жгла.

Удачно.

Детальное повествование о феерически скорострельном романе с питерцем Сережей затянулось почти на три часа – по одному на день. Землероева, не пропуская ни слова, успела за это время сварить кофе, пробежаться салфеткой по запыхавшимся поверхностям квартиры, погладить кухонные шторы, заказать пиццу и даже мусор вынести.

Ждала подвоха. Больно уж хорош Сережа получался по рассказам Линки. Учитывая прежние обстоятельства, подвох должен обязательно найтись. Ежели все прежние романы Линки рассматривать в геометрической прогрессии, этот бойфренд мог оказаться и вовсе брачным аферистом. Уж слишком нереально обаятелен и ловок! Богат, красив, шикарен – относительные мерилы, у каждого выработан свой стандарт, и доказательства в виде фоток на мобильнике особенного впечатления на Евдокию не произвели. Пестовать такого обормота по-матерински вроде бы ненужно, и где тут, спрашивается, соприкосновение взаимных интересов?.. Линку ж хлебом не корми, дай кого-нибудь выкормить, пригреть и окрылить!

Издержки профессии, мысленно укорила себя Землероева. Три года сыщицкого ремесла наложили отпечаток, Дуся привыкла расчленять объект на составляющие, искать подспудные течения, мотивы, грязное белье. Общение с Паршиным (бывшим ментом) также оставило свой трафаретный оттиск.

А за подругу надо попросту порадоваться!

Влюбилась? Хорошо. Мужик приличный встретился.

Не прослеживается логика прежних отношений?

Совсем отлично! Сколько ж можно жилеткой для мужских истерик вкалывать.

Землероева отключила логику, достала бутылку вишневого ликера, накапала по рюмкам и предложила тост:

– За все хорошее, подруга. Держи удачу крепко!

– Согласна, – отпив, кивнула Линка. – Но дело в следующем. Сегодня к Сереже приезжает партнер по бизнесу, нужна поддержка. Пара. Сходишь с нами в ресторан?

Евдокия повела плечом:

– Да я как бы...

– Ты как бы по Паршину сохнешь, – пригвоздила Ангелина. – Может, хватит, а? Сходи в кабак, развейся, клин клином, так сказать...

На этом месте повествование стоит несколько притормозить. В случае с Синецкой еще одна узаконенная поговорка о бревне в собственном глазу и соринке в чужом работала на сто процентов: в проблемах ближних Линка разбиралась лучше, чем в своих, так как срабатывал эффект – со стороны виднее. И потому к советам от наперсницы Синецкой Дуся прислушивалась. Тем более что в данном случае Ангелина Владимирова была в тот самый глаз, где лежала острая соринка: по своему напарнику-патрону Землероева реально сохла.

– Ты, Дуся, в отпуск отправлена. Насильственно.

И это верно. И еще более прискорбно. Послезавтра к Паршину прилетают из Америки бывшая жена и дочь, патрон к их встрече три месяца готовился. Самому Олегу штатники почему-то отказывали во въездной визе, он дочь семь лет не видел. А Евдокия чуть умом не тронулась, подозревая, будто Паршин нацелился на решительный (последний) разговор с бывшей. И там как карта ляжет – вдруг они помиряются?! Вдруг ради дочери решат...

Дуся запрещала себе думать и накручивать. Бывшая мадам Паршина вроде бы неплохо в штатах устроилась – небедный муж, хороший дом...

Но ностальгия. Но родня. Ребенок! Которого папаша Паршин обожает!

– Полосатую рубашку надо погладить, – почти не слушая увещевания Синецкой, пробормотала Дуся.

Тоскливо оглядела привередливо обставленную чистенькую гостиную и в который раз подумала: «И для кого все это?.. Двадцать пять лет, ни мужа, ни детей, ни любовника... Работа, слежка, бабки заколачиваю как стахановец! Даже кота завести не могу. Пару суток просижу в засаде, приду домой, а кот с тоски повесился на дверце холодильника. Попугая, что ли, завести?.. Не. Он крикливый».

Дуся решительно встала с дивана.

Все. Решено. Полосатая рубашка с отложным воротником, легкий дамский галстук и новый, ненадеванный жилет из тонкой джинсовой ткани сегодня выйдут в свет. Черные обтягивающие слаксы тоже будут в тему.

* * *

Дуся ничего не могла поделать с трафаретными сыщицкими мозгами. Мозги не отключались. Резали, работали, искали. Причем безжалостно, так как Сергей и вправду был хорош: румяный развеселый блондин-крепьш с замашками купца-гуляки. Он встретил девушек у ресторанного крыльца, предложил им руку, последовательно помогая каждой выбраться из такси, галантно и весело чмокнул Дусяно запястье, будучи представленным. Одет неброско, но с понятием и дорого. Часы потянут на приличную машину.

Евдокия откровенно запуталась. Она четко осознавала: Линка, мягко выражаясь, девушка на любителя, к лощеным девицам не принадлежит, так как считает интеллект первичным фактором приязни. Чуть полновата. Кое-кто обзывает Ангелину слишком умной. Евдо-

кия признавала, что подруга умеет быть резковатой, едкой. Способна отхлестать словами как вожжами.

В присутствии Сергея от интеллектуальной ядовитости Сеницыной не осталось и следа. Линка хохотала над тривиальными мужскими шутками и играла глазами, как завзятая кокетка.

Куда что подевалось? Сеницына вела себя столь нетипично, что трафаретный Дусин ум включился на полную рабочую мощность – искал и расчленил.

Бутылка отличного шампанского и искрометное обаяние питерского бизнесмена положение почти поправили. В достойном ресторане с европейской кухней негромко играла музыка, Евдокия расслабилась и начала получать удовольствие от общества ловкого и умного мужчины, от созерцания раскрасневшейся, дивно похорошевшей подруги. Все было уже хорошо, вопросы растворились между пузырьками брютта...

Но тут пришел *он*.

И сердце Дуси стало осязаемым и большим, забило в подреберье огромным опасно-оранжевым баскетбольным мячом. Ей показалось, чувствуется даже его шершавость!

Вначале опытная сыщица чисто автоматически отметила, как сосредоточились и слились в одну точку взгляды посетительниц: женские взоры дружно принялись сходиться к входной двери и метрдотелю. Не меняя положения спины, Евдокия слегка повернула голову...

И в первый момент ее накрыло inferнальное наваждение: по ресторанному залу стремительно шагал оживший Че Гевара. Полы длиннополого пиджака развевались черными крыльями, небольшой берет чуть набок примостился на густых темных волосах, присутствовала и узнаваемая легкая небритость.

Нельзя сказать, чтобы внешность молодого мужчины полностью соответствовала кальке Че – лицо дубля было более изящной, даже претенциозной лепки. Похожесть была скорее имиджевой.

И еще – внутренней. По залу шел мужчина-лидер. Мужчина, чувствовавший за собой и в себе *силу*. Наповал разящую! Женщины провожали «Че Гевару» взглядами, скрытыми и явными. Рядом с Дусей тихонько выдохнула Линка: «Твою ма-а-ать...»

Негромкие слова Сеницыной Сережа, к счастью, не расслышал, поскольку в тот момент уже отвернулся, здороваясь с другом. Но факт – в первые минуты знакомства девушек с приятелем поведение пассии вдруг изменилось, он все-таки отметил: безостановочно болтливая Сеницына внезапно начала сбиваться с мысли, оробела и смотрела на Антона искоса, из-под ресниц.

Во времена студенчества Евдокии Землероевой подобные ситуации развивались разное. Ухажеры поглупее надувались-обижались-пыжились, более умные брали на себя беседу и поворачивали ее в наиболее выгодное (изведенное) русло, уничтожая писаных красавцев духовным превосходством.

Сережа повел себя нестандартно. Он, казалось, наслаждался впечатлением, которое произвел его приятель. Вольготно откинувшись на резную спинку дубового стула и пряча тонкую усмешку, питерский бизнесмен наблюдал, как тушует и мямлит его недавно ретивая девушка.

Потом резко оставил любование. И повел себя по второму сценарию: взял на себя бразды (духовной) беседы и одновременно позволил другу закусить говяжьим стейком.

Где-то через семь минут реального времени Сеницына уже хохотала над свежим анекдотом (умно преподнесенным как реальный случай) и смотрела на Сережу прежними глазами – навзрыд влюбленно.

Но благо что во всех питейных учреждениях у девочек есть место, где можно пошутиться. И хорошо, Сережа не услышал, как час спустя подкрашивающая губы перед зеркалом в уборной Линка адресно высказалась:

– Улетный типаж.

– Хочешь, поменяемся? – безынициативно предложила Дуся, преданная патрону Паршину до последней душевной судороги.

Синицына пожамкала губами, разгоняя помаду. Взбила шевелюру на затылке и помотала головой:

– Не. Не мой размерчик. Рублю сук по себе.

– Это ты о Сереже, что ли? – слегка оторопела Дуся. Час назад она считала, что Линка, мягко выражаясь, замахнулась. Сережа таких Ленок на завтрак кушает не запивая! По совести сказать, Евдокия уже исподволь готовила развернутую утешительную речь в стиле «что поделывать, Лина, все мужики козлы, зато останутся воспоминания – козел попался на загляденье и совсем не таракан».

Ангелина встретила в зеркале глазами с отображением подруги. И усмехнулась.

– Это тебя, Дуся, тянет на опасных. Мне б чего попроще. Так, чтобы меньше плакать, чтоб ударили, да не слишком больно. – Синицына тягуче поглядела на сыщицу. Тут же хмыкнула, убирая тоску из глаз, и заговорщицки подмигнула подружке: – Запала на Антоху? Не жалеешь уже, что вторую пару нам составила?

Вопрос. Умение Синицыной определиться и найти корешок чужой проблемы почти не удивило Дусю. Сыщица и сама чувствовала, что от Антона за версту разит тревожной возбуждающей опасностью. Его присутствие вздергивало нервы, как легкий разряд тока! Но думала, что показалось: сработал сыщицкий стереотип – кое-что в Антоне ей показалось рисовкой и чрезмерностью. Четко выбранный типаж, модель поведения, молчаливая расслабленная основательность, что у иных порой скрывает неглубокий ум. Сбивало лишь одно: в шкуре латиноамериканского пассионария питерец чувствовал себя так привычно и естественно, что появлялась мысль – а он такой. Такой и есть без всяческого наигрыша. Игры в нем: длиннополый пиджак и беретка в стиле Че. Издевка, шутка умного мужчины. Суть под беретом-пиджаком доподлинная, истинная, такую суть под имиджевыми штучками не спрячешь, ее и за издевкой разглядишь.

А опасность... Опасность здесь своеобразная, для слабого пола.

«Может быть, Антон – пикапер? – в какой-то момент подумала Евдокия. – Насобачился с томным видом бабенок охмурять?»

Как бы там ни было, но проверить все же стоит. Обкатать задачу на профессионалах.

Дуся дождалась, когда подвыпившая Линка объявила: «Хочу танцевать!» – и предложила для плясок поездку в один из самых пафосных клубов Москвы.

На название модного дансинга верно отреагировала только абориген Синицына. Поглядела на Землероеву многозначительно и задрала вверх левую бровь. Во взгляде читался вопрос: «На фига, Дусенция? Поехали куда попроще...»

Традиционно осторожное «попроще» здесь не катит, мысленно усмехнулась сыщица, поскольку клуб выбирала с расчетом. И дело вовсе не в ценах заведения, бывших даже не заоблачными, а совсем космическими, целью Дуси стали парни, обитающие на фейсконтроле. Псы. Церберы. Рентген. Пару раз Евдокии приходилось проникать в тот клуб по работе, и если бы охраной заведения не руководил старинный приятель Паршина, сыщицу не пропустили бы дальше нижней ступени крыльца. Опытные церберы отсеивали мелкотравчатый контингент еще на подходе. Однажды Евдокия видела, как секьюрити не пропустили в клуб разодетую парочку в лабутенах и ролексах. Тогда, проскользнув в закрытую для той парочки дверь, Дуся мельком заинтересовалась у охранника:

– Почему вы их не пропустили? Знаете, кто такие?

– Не, – четко ответил широкоплечий цербер.

– Тогда почему? Выглядят ребята прилично.

– Паренек проблемный, – почти не разжимая губ и не глядя на сыщицу, объяснил профессиональный рентген.

И Дуся поверила ему на слово, поскольку Паршин еще раньше аттестовал ребяташек в черных пиджаках как лучших столичных специалистов фейсконтроля. В «ночник», куда стекались медийные персоны, зевак и проблемных товарищей не допускали.

Так что если уж на ком-то и проверять Антона, то в первую очередь на этих профи, коренные зубы стерших на отсеивании потенциально опасных господ. Если питерец пройдет сквозь них в «ночник», тревожные флюиды, идущие от нового знакомого, можно признать несущественными. Бесхозных альфонсов и брачных аферистов в активном поиске секьюрити высчитывают – пинком под зад с крыльца спускают.

Уже сидя в такси рядом с целующейся Синицыной, Евдокия немного покопалась в себе и положила руку на сердце призналась: поездка в космическое заведение имеет еще одну цель. Вторым дном проглядывала коварная и мстительная подоплека. По сути дела, чисто женская интрига.

Евдокия никак не могла разобраться, приглянулась ли она «латиноамериканцу»? Тот не ухаживал. Поддерживал беседу, слушал новых знакомых внимательно, а не елозил взглядом по соседним столикам с девицами, шампанского вовремя подливал...

Но по большому счету – не ухаживал же! Не обольщал. Не старался увлечь. Сидел спокойно, словно сфинкс, почти не пил, почти не ел...

И это напрягало. Землероева терпеть не выносила загадочных заскоков, считая эти выверты оружием из арсенала томных девочек.

А даже наигранное равнодушие, признаться, досадно. Тем более что равнодушие стояло под большим вопросом и напрягало ум и нерв. Евдокия понимала, что испытает мстительное удовольствие, когда увидит, как Антона не пропустят церберы. Довольно зримо представила: вот она небрежно достает телефончик и, мурлыча: «Минуточку, я сейчас решу проблемку», звонит охранному шефу «ночника», после чего перед компанией распахиваются двери...

Смешно. Детский сад. Решение вопроса, кто главный в песочнице.

Бабская мстя.

Но о Паршине Дуся не вспоминала уже рекордных четыре часа.

В «ночник» Антон прошел как острая булавка в марлю. На крыльце, правда, один из охранников дернул ножкой, как бы раздумывая, не преградить ли путь, но это была реакция фотографической памяти секьюрити на новый персонаж, не более того. Землероеву рентген не видел, сыщица упряталась за широкой спиной Линкиного ухажера, и посему проверка вышла чистой. Хотя и с неожиданным результатом – телефончик не понадобился, крутое выступление спланировано зря.

Досадно. И все более загадочно.

Уже в дансинге Антон предупредил, что шустрых танцев он не исполняет, но музыку в принципе выносит. Даже громобойную. Линка с Сережей моментально слились с подпрыгивающей толпой. Дуся тоже пошла попкой покрутить...

А дальше было Танго. Именно с заглавной буквы.

Кто заказал такой медляк, понять, конечно, невозможно. Но при первых же звуках современного электронными тамтамами Танго, Евдокия ощутила на талии мужскую ладонь.

Антон повел ее в танце, как гондольер гондолу, как старый искуситель юную нимфетку, клонил, как ветер стебелек, удерживал, ласкал... Дуся чувствовала себя одновременно гибкой коброй и покорной мышкой, дикой кошкой и завывающимся плющом... Агрессором и жертвой.

Караул, что творил в танце этот тип! Землероева подумала, что продлись Танго еще немного, и она упадет в обморок от переизбытка тактильно-эротических импульсов!

Но самовольно прекратить эту эстетическую пытку?..

Увольте. Ни за что!

После танца пара не распалась. Если убрать эстетику и выразиться приземленно, Землероева прилипла к Че как банный лист к потной заднице и танцевала, прижимаясь, уже и быстрые танцы...

Понимала, что погибла и пропала. Плашмя рухнула с гондолы и утонула в эротических волнах.

Когда Антон прошептал на ухо долгожданный вопрос: «Ну что?.. К тебе или ко мне?» – сипло хрюкнула: «Ко мне».

Если бы на следующий день кто-нибудь догадался спросить прожженную сыщицу, помнит ли она марку автомобиля, на котором ехала домой, то Дуся не ответила бы даже какого цвета было то такси.

Ночной секс-марафон вымел из башки все мысли.

Голова гудела от приятнейшей усталости, тупила, мысли вязли и болтались на уровне «такого не бывает, все это не со мной»... Поздним-поздним утром Евдокия еле доплелась до кухни на подгибающихся ногах и активировала кофемашину. Села на табурет перед окном и, глядя на верхушки деревьев в пышной майской зелени, тихо прошептала:

– Паршин, ау?

Никаких эмоциональных откликов. Фамилия любимого мужчины не вызвала привычного томления. Сегодня Землероева должна была грызть ногти, представляя, как Олег носится по магазинам, затовариваясь свежими продуктами для завтрашней встречи с женой и дочерью...

Но поехала кататься на катере, нанятом двумя питерцами для прогулки по водохранилищу, и битый час шушукалась-хихикала с Синицыной, валяясь в купальнике на носу яхты и поглядывая на кокпит, где за бликами солнечного света на стекле виднелся силуэт Антона.

...Капитан наемного катера своевременно пришвартовал судно к небольшому пирсу у полянки, где смуглый паренек уже жарил на мангале шашлык и накрывал столик под тентом. Компания шумно вышла на берег, расселась по пластиковым креслам...

Немного шампанского. Немного икры. Дивной мягкости и сочности шашлык из нескольких сортов мяса...

Землероева блаженствовала. И понимала Линку, влюбившуюся с разгона и разбега, несущуюся на всех парах, как паровоз с опытным и щедрым кочегаром, подбрасывающим в топку уголь-катер-шампанское-икру... Внимание. Заботу. Пейзажи.

Слегка поев и выпив, Евдокия задремала в кресле. Антон укрыл ее легким пледом, ласково убрал со щеки девушки щекочущую прядь волос.

«Такого не бывает. Я в сказке. Я в релаксе».

Проснулась Евдокия от телефонного звонка. Рингтон был в точности как у ее мобильного, шурясь от солнечного света, Дуся начала озираться, разыскивая сумочку с сотовым...

Но звонок был для Сергея. Отлепившись от подремывающей на соседнем лежаке Ангелины, питерец дотянулся до оставшегося на столе аппарата, прошептал: «Алло» – и долго слушал абонента. Хмурился. Задавал суровые односложные вопросы.

Закончив разговор, поднялся и, уведя в сторонку Антона, переговаривался с ним минут пять. О чем-то спорил.

Евдокия поглядывала на подругу. Видела, как встревоженно вытягивается ее лицо.

Едва мужчины вернулись к шатру, спросила:

– Какие-то проблемы?

Сергей согнал со лба хмурые складки и отмахнулся:

– Так, ерунда. – Потом длинно и пристально посмотрел на Ангелину, с деланой веселостью потер руками и произнес: – А что, девчонки, не поменять ли нам планы и маршрут, а?

Линочка, ты как? Согласна? Согласна, проказница, навестить медвежий угол и примерить на себя рай в шалашике?!

Сереза представлялся. Делал шутливо страшными глаза, пугал Синицыну медведями.

Но Линка, по правде говоря, испугалась совсем обратного. Побоялась, что сказка окончена, бизнесменов призвали деловые трубы и денежные знамена, а она... опять одна и в тараканах!

Ну уж дудки. Хрен с ними с медведями. Синицына решительно встала с лежака, расправила плечи и произнесла:

– Куда едем? В Питер?

Сергей печально улыбнулся.

– Увы, моя шалунья. У нас проблемка в регионе, ее надо порешать... Вы, девчонки, там позагораете, поплаваеете, нас в отеле подождете... Обещаю незабываемый отдых! – Сергей клятвенно приложил ладони к груди. – Сегодня ночью сядем в два СВ, забьем купе шампанским... Завтра утром будем на месте. Какие-нибудь отдельные пожелания есть?

У Синицыной наметилось одно желание – не расставаться.

К Евдокии подошел Антон, взял ее ладонь, приложил к губам и прошептал:

– Я не хочу с тобой прощаться. Поехали. Мы с Сергеем быстро порешаем дела, потом, если захочешь, вернемся сюда.

От пристального взгляда карих глаз у Евдокии побежали по спине мурашки и пересохло горло.

– Да, – прошелестела сыщица. – Куда мы едем?

– В Н-ск.

Только что горячая ладонь Евдокии вмиг заледенела. Сказка закончилась, едва Антон произнес название города.

Город Н-ск для сыщицы закрыт. Навечно.

О том, что она никуда не едет, Дуся отважилась сказать Синицыной только по телефону. Вечером.

– Ты не можешь меня так подставить, Землероева! – стонала Линка в трубку.

– Я тебя не подставляю. Ты можешь ехать, я – нет.

– Никогда не думала, что ты можешь быть такой упрямой стервой!

Дуся выдержала паузу.

– Лин, не говори того, о чем позже пожалеешь.

– Да пошла ты к черту, Землероева! Я уезжаю с Сергеем!

Евдокия тихо выговорила:

– Лин, у меня есть серьезные причины, чтобы отказаться.

– Паршин позвонил, да?! Предложил с женой и дочкой погулять, поесть мороженого?!

– А если и так?

– Дура! Так и просидишь на берегу до седых волос, пока все зубы не выпадут!

– Свообразно ты меня уговариваешь, подруга, – хмыкнула сыщица.

– Да пошла ты к черту... Уговаривать тебя... Линка отключила связь.

Но через час снова начала звонить. Потом пошли молитвенные эсэмэски...

Один раз позвонил Антон, но Евдокия не ответила.

Решила резать по-живому, пока совсем не приросла.

Полночи плакала.

* * *

На шестой день после отъезда Сеницыной в Н-ск к Евдокии пришла мама Лины тетя Вера. С порога задала вопрос:

– Дусенька, у тебя есть известия от Ангелины?

– Да, конечно, проходите, тетя Вера...

Девушки дружили с детства, учились в одном классе, сидели за одной партой. В семье доцентов Сеницыных к Дусе относились как к родной.

Вера Анатольевна, тиская в кулачке платок, прошла в гостиную, села на краешек дивана и снизу вверх поглядела на растерянную, еще чуть заспанную Дусю, застывшую столбом посередине комнаты. В ввалившихся, обведенных черными кругами бессонницы глазах гостьи стоял вопрос. Плескалась надежда.

– Когда она тебе в последний раз звонила? – спросила Вера Анатольевна.

– Да, собственно... когда? – сама себя спросила Дуся. – На следующий день после отъезда. Сказала, что устроилась шикарно, просила к ней приехать.

– А после?! Потом Сеницына тебе еще раз звонила?!

– Нет. Эсэмэски присылала. Много. Разговаривая, мы ругаться начинали.

– Когда пришла последняя эсэмэска?

Евдокия видела, что тетя Вера на грани срыва, говорит сквозь стиснутое горло.

– Кажется... три дня назад.

– Дай мне твой телефон.

В категоричном тоне проклюнулся преподаватель одного из лучших столичных вузов. Вера Анатольевна безапелляционно протянула раскрытую ладонь, куда был моментально вложен землероевский мобильник.

Уже вручив на автомате строгому доценту личный телефон, Дуся начала судорожно припоминать, а не написала ли Сеницына чего-нибудь крамольного? Сиречь – интимного.

Но тете Vere на постельные интрижки дочери наплевать и растереть. Прочитав все сообщения на телефоне, кандидат наук даже бровью не дернула, встретившись там с эпитетами «упрямая коза», «предательница чертова» и кое-чем похлеще: в посланиях ее воспитанная дочь перемежала отчеты о шикарном отдыхе с мольбами, упреками и руганью. Надо думать, развлекалась, пока Сережа производственные терки тер, от нечего делать елозила пальчиком по телефону.

А кому еще звонить? Подруга-то одна. И та предательница.

Вера Анатольевна закончила перлюстрацию дочерних тайн. Некоторое время, сжимая Дусин телефон в руках, смотрела в одну точку перед собой. Потом заговорила. Глухо, вымученно:

– Вчера был день рождения тети Шуры. Юбилей. Ангелина ее даже телеграммой не поздравила. Ты можешь себе представить такое, Евдокия?

Вера Анатольевна подняла на сыщицу сухо горящие глаза. Землероева серьезно подумала над вопросом, нахмурилась и покачала головой.

Александра Яковлевна, тетя Шура, – предводительница могучего преподавательского клана семьи Сеницыных. Ангелина обожала тетку! На ее день рождения собиралось шумное веселое сообщество друзей-затейников. Пиршество превращали чуть ли не в костюмированное представление. Причем всегда тематическое. Как-то нестареющие душой ветераны-учителя все как один надели пионерские галстуки, и тосты превратились в пионерские речевки. В прошлом году был вечер романсов, и тосты уже пели. В позапрошлом отдали дань японским хокку и танка, изошрялись в стихоплетении...

Эти незабываемые вечера Ангелина и приглашаемая на застолья Евдокия ждали целый год! Готовились, писали спичи.

– А послезавтра, – добивала тетя Вера, – у Лины собеседование. Я все связи подняла, чтоб его устроить, Ангелина мечтала там работать! – Вера Анатольевна неожиданно всхлипнула: – Ты понимаешь, что происходит, Евдокия?

– Она влюбилась, – тихо выговорила Дуся.

– Влюбилась?! – взвилась с дивана гостя. – Да ради бога! Но позвонить-то можно!

Вера Анатольевна вырвала из кармана жакета свой мобильный телефон и воткнула его в руку Евдокии:

– На! Посмотри, что написала эта девчонка!

Дуся нашла последнее сообщение от подруги. Прочитала: «Мамуля, не волнуйся. Я уезжаю в глухомань, где не будет связи. Адьо. Я счастлива, мамуля!» И ни слова поздравлений тете Шуре. А это уже наводило и попахивало.

– Она не могла забыть о юбилее, – причитала тетя Вера. – Не упомянула собеседование... – Кандидат наук округлила глаза, воткнула взгляд в растерянные Дусины очи и прошептала: – А что, если последнее сообщение отсылала не она? Евдокия... вот ты сыщица... скажи, я правильно беспокоюсь? Мог кто-то телефоном Ангелины воспользоваться? Вдруг с ней что-то нехорошее случилось?..

И Дуся сделалось тоскливо-тоскливо, в предчувствии заныло сердце.

И это – у нее. Что уж говорить о материнском сердце!

– Тетечка Верочка, вы успокойтесь, – захлопотала Дуся. – Выпейте водички, сядьте. Мы сейчас обо всем поговорим, все обсудим... Я видела приятеля Ангелины, он приличный человек. А Линка влюблена как ненормальная...

Увещевая обеспокоенную мать, Дуся потянула ее за руку к дивану, но тетя Вера резко вырвала ладонь и, встав лицом к лицу с подругой дочери, сказала:

– Евдокия, я не буду разговоры разговаривать и переливать из пустого в порожнее. Я пришла к тебе по делу, с просьбой. Ты не могла бы съездить в Н-ск и привезти домой упрямую девчонку?

– А если она не поедет? Лина не чемодан, а влюбленная девушка.

– Она *глупая* девушка, – пригвоздила доцент образованную дочь. – Но я не настаиваю. Не поедет, бог с ней. Ты только разыщи ее, пожалуйста. – Вера Анатольевна плаксиво покривилась: – Съезди к моей девочке, проверь, пожалуйста, все ли у нее в порядке.

– Но она же не оставила координат, телефон не отвечает, написала только – «глухомань»...

– Но ты же сыщица! – воскликнув, перебила тетя Вера. – Если хочешь, я оплачу твою работу! Билет куплю...

– С ума сошли, – устало буркнула Землероева. Но не ответила согласием.

– Дусенька, – чуть ли не по-старушечьи запричитала гордая и строгая преподавательница, – ну куда, к кому мне еще идти? В полицию? Да там отправят к лешему. Дочь загуляла и еще предупредила, что будет вне зоны доступа. К кому мне еще идти, раз лучшая подруга дочери – частный детектив!

– Теть Вер, а может быть, мы рано паникуем? Линка действительно предупредила...

– А день рождения Шуры?! А собеседование?! А то, что у отца большое сердце?! – истерически выкрикивала накрутившая себя до истерики Вера Анатольевна. – Нет, нет и нет! Лина *никогда* так не поступала!

– Тетя Вера, выпейте воды. Успокойтесь. Я по еду в Н-ск. Точнее, полечу. Так будет быстрее.

Евдокия включила компьютер и на глазах Веры Анатольевны забронировала авиабилет на ближайший рейс до Н-ска.

– Все. Сегодня вечером я буду на месте. Сразу отзвонюсь. Ни о чем не переживайте, мне кажется, мы зря волнуемся.

– Нет, Евдокия, нет. Я сердцем чувую, все непросто.

Евдокия закрыла за тетей Верой дверь. Некоторое время, тупо глядя вниз, постояла в прихожей. Потом достала из рабочей сумочки пакетик для улик и пошла в спальню.

Там тоже постояла. Но уже не заторможенно, а думая и глядя на длинную тумбу под телевизором.

На тумбе стояла антикварная серебряная шкатулка.

Фаберже. На крышке вензель дома Романовых. Если крышку приоткрыть, зазвучит «Венский вальс».

По сути дела, подобную «безделицу» надо бы в сейфе хранить, а не в спальне напоказ. Но Дуся не устраивала дома многолюдных вечеринок – времени на это не было, девушка работала. В гости к ней заходили только родственники, Паршин и Сеницына...

Антон. Евдокия видела, как он крутил в руках шкатулку. Стоял полуголый в одних брюках и, наклоня голову набок, разглядывал изящную вещицу.

Евдокия запаковала шкатулку в пакет с запайкой на концах. Вернулась в гостиную и разыскала в памяти мобильного телефона номер следователя Димы Павлова. Этот приятель Олега когда-то пытался за Дусей ухаживать, но вовремя дал задний ход и оставил девушку в друзьях. А главным было то, что к Евдокии Землероевой следователь относился куда как серьезно. Приходилось вместе поработать.

Дуся встала у окна и, глядя на зеленые шевелящиеся верхушки деревьев, тут же накрывших воспоминаниями о *там* утре, сказала отозвавшемуся Павлову:

– Дим, привет, чем занят?

– Над писаниной дохну, – сумрачно доложил следователь.

– Совсем подох или приехать можно? С просьбой.

– Куда же без нее? – вздохнул Дима. – Разве ж ты просто так о простых пахарях вспомнишь...

– Так я приеду?

– Валяй. Только пожрать чего-нибудь захвати. Пропуск я тебе закажу.

– Спасибо, буду через час.

* * *

Евдокия шмякнула пакет с провизией на письменный стол Павлова. И пока голодный молодой следок копошился в упаковках общепита, достала из сумочки пакетик со шкатулкой. Поставила ее под нос приятеля.

Следователь поглядел на шкатулочку, нажал оттопыренным от пирожка мизинцем на целлофан, разглядел под ним романовский вензель.

– Ого. Музей ограбила?

– Нет. Это моя шкатулка. Подарок.

– Да ладно! – чавкнул Павлов. – И кто ж у нас так антиквариат раздаривает?

– С трех раз догадайся.

Следователь задумчиво жевнул. Кивнул:

– Мирон? Александр Сергеевич?

– Угу.

– Тогда заслуженно, – вздохнул Павлов. Серьезно поглядел на Евдокию: – Слушаю внимательно.

Дуся уместилась на единственном стульчике небольшого личного кабинета Павлова. Заговорила:

– Дим, с этой шкатулки надо снять отпечатки пальцев. Там есть мои, они в вашей базе.

Вторые – мужские. Работа срочная. Плачу по тройному тарифу.

Павлов глядел на шкатулку, задумчиво барабанил пальцами по столу. Пирог жевал.

– Шкатулка твоя... Отпечатки мужские... – Дима поднял глаза на посетительницу: – Паршин в курсе? Знает?

– Нет. И мне хотелось бы, чтобы так и не узнал.

– Поня-а-атно, – протяжно, раздувая щеки, сказал следак. – А я-то думал, что у вас...

Дима не закончил многозначительную фразу. Взъерошил волосы, уткнул задумчивый взгляд в угловой сейф и откинулся на спинку офисного кресла. Жевать забросил.

Дуся знала, что так будет. Опытный работник сыска моментально сведет воедино концы *секретной* просьбы и сделает грамотный вывод. В какой-то момент Евдокия хотела даже соврать, что помогает подруге, но посчитала увертки пошлостью. Умный Дима когда-то ушел в сторону, заметив, что ему не светит – место в сердце Дуся занято Олегом. А благородным друзьям не врут.

– Дим, «у нас» сейчас жена с дочерью из Америки приехали, – негромко выговорила Евдокия. – Не надо Паршина тревожить. Сделаешь, как я прошу? Мне правда-правда срочно-срочно нужно.

Павлов молча взял двумя пальцами спаянные кончики пакета. Переложил его в верхний ящик стола.

– Сделаю, – буркнул. – Но не раньше вечера. А то и завтра.

– Дим! Мне срочно надо. Пробей мне мужика по вашим базам!

– А ты уверена, что он там есть? – поднял брови следователь.

– Фифти-фифти. – Процент вероятности Землероева существенно понизила. Встала со стула, положила на стол конвертик с «пряниками» для эксперта. Дима конверт тут же в выдвижной ящик смахнул. – Я не прощаюсь, жду звонка.

– Угу.

Выходя за дверь, Дуся чувствовала себя паршивее некуда. Реноме хорошей девочки загублено напрочь!

Евдокия вышла из здания Следственного комитета. Села в свою машину и долго глядела перед собой, в последний раз решая вопрос: стоит или нет привлекать кого-то еще к поездке в Н-ск? И этот вопрос реально стоял пятьдесят на пятьдесят.

Хороший друг – шпион (диверсант, нелегал?) на пенсии Николай Васильевич Шаповалов – в прошлом году сказал Землероевой: «В Н-ск, Дуся, ни ногой. Желательно пожизненно». И просьба эта не пустое предупреждение. В прошлом году хитроумный психопат сделал Евдокию наследницей опасной тайны. За пять минут до смерти Модест изящно отомстил девушке, которая его вычислила и практически приговорила. Подставил Модест Дусю жестко.

И потому Землероева молчала на следствии как проклятая. Понимала, что есть тайны, убивающие вернее автоматной очереди. В Москве ее прикрывали Паршин, друг Шаповалов и задолжавший сыщице криминальный авторитет Миронов. Москва для энских – чужая территория, здесь Мирон играет на своем поле. Но если Дуся самолично выедет в Н-ск, предъявлять Мирону энским будет уже нечего. Его «сестренка» сама поехала. Никто на вожжах не тянул. Попала на чужую территорию, играй по правилам принимающей стороны.

Дуся ударила кулаком по рулю. Черт, черт, черт! Что ж делать-то?!

Звонить Миронову и Шаповалову, говорить, что у нее подруга в Н-ске запропала и *нужно* ехать?!

Они сначала поорут маленько. Потом Александр Сергеевич выделит «сестренке» боди-гардов, Николай Васильевич и сам поедет спину прикрывать...

Но Дуся помнила, чем закончились переговоры Александра свет Сергеевича с энскими ворами: Евдокия угодила в заложницы, едва живой осталась. (Благодаря личной шустрости и чистому везению.) И если москвичи вновь ерепениться начнут, а Линка запропала исключительно по любви и глупости... Неудобно выйдет.

Так что Мирона отменяем на пока. Совсем не отставляем, такая крыша и косяк прикроет. Но все же рано тревогу поднимать.

Дуся нашла в записной книжке телефона номер Шаповалова. Долго смотрела на высветившиеся цифры...

У Николая Васильевича в провинциальном городе друзья. Причем не абы кто – династия в больших погонах. Два брата Муромцевых: Максим Ильич – начальник городского УВД, Евгений Ильич руководит таможей огромного речного порта, величина немаленькая.

Кто тронет Дусю при таких знакомствах?

По разумению – никто.

Но в том году воры еще как тронули.

Вспомнив кое-что из прошлогодних событий, Евдокия поежилась и решительно нажала кнопку вызова. Большого специалиста по разрешению ситуаций самого широкого профиля Дуся еще не встречала. Поможет и делом, и советом, и знакомствами... Васильевич на пенсии скучает, слетает в Н-ск, друзей там навестит. Купить еще один авиабилет в бизнес-класс не проблема.

Евдокия уже так живо представила, как путешествует вместе с отставным шпионом в приятнейшей и трезвомыслящей компании, что растерялась, услышав в трубке голос его жены Инессы Сигизмундовны.

– Здравствуй, Дусенька, – негромко прошелестела Шаповалова.

– А... это... Здравствуйте! Инесса Сигизмундовна, как у вас дела? Где Николай Васильевич?

– Николай Васильевич несколько занят, – чинно произнесла Сигизмундовна и, понизив голос, добавила: – Ему делают укол. Гриппуем мы.

Интонация пожилой дамы так четко обрисовала картину – больной шпион, лежа на постели, ждет иголку в ягодицу, – что Евдокия растерялась еще больше.

– А это... передавайте ему привет. Я позже перезвоню.

– У тебя какое-то дело к Николаю Васильевичу, Дусенька?

– Нет, нет. Я просто хотела узнать, как у вас дела.

В трубке послышался отдаленный женский голос, кажется, это медсестра о чем-то спрашивала хозяйку дома. Разговор закончили короткими «до встречи».

Дуся выключила телефон и понуро опустила плечи.

Ну вот и все. Шпион болеет. Его шибко нервный и авторитетный зять Александр Сергеевич Миронов пока не в тему. Придется действовать одной.

* * *

В прилетном зале энского аэропорта стояла липкая жара. Евдокия не сдавала вещи в багаж, так как налегке приехала, на одной ноге – туда-обратно. Хотя и чувствовала, что не выйдет.

Поправив сползающую с плеча ручку объемной дорожной сумки, Дуся достала телефон и, чуть отворачиваясь от навязчивого таксиста, повела разговор с дочерью таможенника Евгения Ильича:

– Привет, Милена. Как дела?

– Привет. Нормально, – по порядку отчиталась немного удивленная звонком девушка.

Если брать с прошлого года, то Милена и Евдокия перезванивались трижды, когда таможенная дочь в столицу приезжала. Девушки встретились в ресторане, пообедали, потом на пляски ходили. На следующий день Милена поблагодарила за экскурсию и больше ни гу-гу. Она – студентка и по уши в зачетах, Дуся по это же место в работе.

– Милен, я тут в ваших краях буду, – сказала Евдокия, – ничего, если в гости загляну?

– Приезжай, конечно.

– Как ваши? Как отец, как все?

– В порядке. Сегодня суббота, дядя Максим с тетей Аллой в гости приехали... Привет им передать?

Именно в расчете на традиционные субботние посиделки Муромцев Евдокия и вылетела в Н-ск самолетом, а не поехала поездом. Предупреждать не стала. Хотела свалиться снегом на головы, по выражению лиц угадать, насколько ей здесь рады и будет ли поддержка.

Нет, можно, конечно, было позвонить еще днем и попросить Муромцевых не сообщать о ее приезде Шаповалову. Мол, болеет дорогой Васильевич, не тревожьте его попусту. Но Евдокия не хотела нагнетать к ситуации лишнюю волну. Дело могло выеденного яйца не стоить.

Но объявиться Муромцам стоило. Как-никак господа серьезные, Н-ск их вотчина. Помочь московской гостье с розыском подруги для них раз плюнуть.

Дуся закончила разговор. Кивнула поджидавшему ее таксисту и назвала адрес: бывшие обкомовские дачи, местная Рублевка, где выстроил семейное гнездо еще зачинатель династии Илья Владимирович Муромцев, когда-то руководивший областной ФСБ.

Именно его убийцу в прошлом году и вычислила Евдокия Землероева.

Убийца оказался – родственником.

Реакция на появление московской сыщицы получилась неоднозначной. Вроде бы все Муромцевы рады. Хозяйка Елизавета Викторовна метнулась гостевую комнату готовить. Дусю усадили в большой беседке за накрытый стол, предложили полную тарелку шашлыка и прочей снеди, вина прохладного налили. Потчевали, о житье-бытье расспрашивали. Прошлогодня Снежная королева, жена таможенника Тереза, лучилась искренней приязнью. Жена старшего брата адвокатесса Алла посматривала на сыщицу с веселым интересом.

Но взгляд ее супруга Максима Ильича все больше тяжелел. Переглядываясь с младшим братом, начальник городского УВД прослушал облегченную версию пропажи Дусиной подруги и пообещал подключить к розыску толкового подчиненного. Потом ненавязчиво выпроводил из комнаты молодежь – племянников и дочь, сказал, вздохнув:

– Парень, которого я тебе дам в помощь, будет везде с тобой ходить. Договорились?

– Хорошо. А почему? – прикинулась овцой Землероева. Она ж на следствии эту роль до боли в скулах обкатала! Так зубы стискивала и язык за ними фиксировала, что лицо постоянно ныло.

– В нехоршее ты время приехала, девочка, – вздохнул начальник местных полицейских и повторил, закидывая ногу на ногу: – В нехоршее.

Дуся, подняв брови, изобразила непонимание, и Максим Ильич развернул ответ:

– По городу шушок прошел, будто после Модеста большая денга осталась. А ты была последней, с кем он разговаривал. Портовики и воры по-тихой на ушах стоят, мильоны ищут.

Занятно, чуть нахмурилась москвичка. Влияние в городе надвое делили две группировки: почти отошедшие от криминала пролетарские, что держат речной порт, и полноценные урки-воропаевцы. И теперь они все, получается, модестовские мильоны ищут?

Ловко. Попахивает дымовой завесой.

Евдокия слышала, что компромат на городского смотрящего Воропаева так нигде и не объявился. Но он имелся, и Евдокия это знала как никто другой: Модест даже вкратце обрисовал ей, чем конкретно обладает.

И получается, что, разыскивая запись одного интересного разговора, старый вор не удержал эти розыски в тайне и пустил слух, что ищет деньги?

Пожалуй, так. Поскольку это умный и единственно оправдывающий поиски ход. Расчет на жадность. Казимирович шесть лет несправедливо копил средства на долгое безбедное житье в заграницах. Сумма, пожалуй, оглушительная скопилась!

Но ситуацию в данном разрезе Евдокия как-то не рассматривала.

А зря. Большие деньги – это весомые проблемы. Положение значительно ухудшилось. Значительно и многократно – умножилось на миллионы!

Из Н-ска надо когти рвать. Хватать Синицыну за шиворот – и вон, пока две москвички в случайной машине не взорвались. Информацию ведь выбивают, а после перепроверяют и делают при этом больно. Следы вместе с опухшими допрашиваемыми лицами потом уничтожают.

Ох-х-х, Дуся почувствовала, как заledenели ноги в босоножках. Ну знала же, что приезжать сюда нельзя! Но все-таки приперлась.

«А куда б ты делась-то? – вспомнив о подруге, сработавшей приманкой, вздохнула сыщица. – Если бы Линке начали пальцы ломать перед телефоном и дали мне послушать... Примчалась бы как миленькая! Линка из-за меня попалась. А подобные проблемы дистанционно не решаются».

Но и сейчас не вариант, что обойдется без членовредительства. Если Синицыну разочек треснут по интеллигентной физии, Дуся выложит все как на духу, даже понимая, что после этого им обоим полные кранты. Поскольку те кранты безболезненными выйдут.

«Заявиться завтра к Воропаеву, прикинуться доверчивой на слухи и сказать, что попытаюсь разыскать для него заначку Модеста? А о компромате, мол, ни сном ни духом... Но ищейка я талантливая, и нюх у меня лучше всего на деньги включается... Типа могу содействовать за небольшую мзду...»

Нет. Не прокатит. Старый вор знаком с аналитическими способностями Евдокии Землероевой и прекрасно знает, что сыщица на деньги не ведется. Работать будет только под угрозой и страхом за подругу.

А Миронов с Шаповаловым здесь вряд ли помогут. Энские ищут *свои* деньги. Тут полностью их правда, москвичей некультурно попросят выйти вон.

И получается, решать все надо полюбовно. Но как?

Муромцы... Полиция прикроет?

Тогда с ворами вообще не договориться!

Засада. Жесть. Куда ни кинь, везде клин. И деньги отдавать нельзя, поскольку миллионы идут бонусом к тайне смотрящего – одно без другого не пляшет, и ваньку валять долго не позволят – всерьез взялись, загонят в угол рано или поздно. Но самое паршивое предположение: если Линку умыкнули не по приказу Воропаева, то деньги Модеста придется отдавать третьим лицам, а к ним намертво пристегнут компромат.

Ох, голова кругом! Теперь понятно, что достанут хоть бы и в Москве. Если слух прошел в широкие массы трудолюбивых и охочих до чужих денег урок, то рано или поздно в группку собьется наиболее отмороженный контингент кладоискателей и рванет в столицу. Где этот же контингент плюнет на Мирона с высоты Останкинской башни и запытает его «сестричку» Дусю Землероеву в глухом подвале посреди Первопрестольной.

Так что, возможно, вовремя приехала. Проблему надо разрешать на месте, срочно. И лучший вариант пока вилять хвостом и милой деткой притворяться. С кондачка и сразу резать не начнут, Евдокия Землероева – гостя Муромцев, а здесь и их территория.

Полуоформленные логические цепочки проскочили в Дусиной голове в одно мгновение. Евдокия ласково поглядела на начальника местного ГУВД. Ильич, только что уверенный, что

задумчивую гостью страх пробирает до костей (умна поскольку), удивленно присобрал нижнюю губу.

– Какие-то интересные мысли по вопросу появились?

– Вы о деньгах, что ли? – мякнула Дуся.

– Ну. О них.

«Счас. Разбежалась последний козырь полицейским отдавать! Я за них синицынскую жизнь куплю! При целых пальцах».

– Ну что вы, Максим Ильич... Откуда? Модест ваш родственник, жил в этом доме. – Евдокия повела рукой, как бы очерчивая полукругом прилегающий к беседке кусок угодий Муромцевых: миниатюрный парк, отутюженные газонокосилками полянки, плиточные дорожки, пару гномиков, строивших рожицы из пушистой клумбы. – Вам здесь и карты в руки.

Притворяться перед Муромцами полноценной овцой бесполезно в принципе. Династия силовиков уже столкнулась с беспрецедентным лицедейством московской гостью, так что по второму разу нечего и стараться. Евдокия выбрала иную схему установки порядка отношений: «Вы знаете, что я из себя представляю. Принимайте мою игру, не принимайте... Я не особенно ее и скрываю, поскольку тоже отдаю вам должное. Но как вы потом в глаза Шаповалова посмотрите, случись чего?»

К спинке стула, где сидел Максим Ильич, подошла его супруга Алла, положила руки на плечи мужа и чуть наклонилась.

– Ну что ты к девочке пристал? – Адвокатесса отправила Землероевой испытывающий взгляд с прищуром. Потом неожиданно подмигнула, как бы говоря: понимаю, одобряю, сама бы так себя вела. – Дуся с дороги, устала...

На столе перед Евдокией запиликал мобильный телефон, на дисплее высветилось имя Димы Павлова. Девушка взяла трубку и быстро в нее выпалила:

– Перезвоню. – Поднимаясь со стула, сказала Муромцам: – Простите. Мне надо ответить, это важно.

Отойдя за пышный куст сирени, Евдокия испытала приступ дежавю. В прошлом году за этим же кустом она тайком от Шаповалова разговаривала с Олегом. Сейчас опять стоит и говорит с Москвой... Только сирень немного выбивается из прежних декораций – еще не отцвела, благоухает белыми кистями.

– Значит так, – сразу приступил к отчету следователь, и от его угрюмого тона у Дуси заскребли по ребрам холодные коготки дурного предчувствия. – Пиши.

– Запомню.

– На шкатулке пальчики Антона Ивановича Семенова. Кликуха Крученный. Рецидивист. Первый раз по малолетке чалился, второй раз прижали за вымогательство с отягчающими. – Павлов докладывал сухо, как неродной. – У энских на него талмуд в пяти томах. В том году прижать пытались – вывернулся. Специалист по дамочкам. – На этом месте в голосе Димы промелькнула досада, припорошенная жалостью. – Внебрачный сын энского смотрящего Воропаева Ивана Ивановича...

Дуся слушала друга и чувствовала, что шатается. Нет, безусловно, она нечто подобное и подозревала! Но сын смотрящего... Крученный... Это слишком. В прошлом году воришка Нифася говорил о сыне Воропая с придыханием: «Если не закроют – далеко пойдет. Бабы от Антохи просто млеют».

И вот теперь замлела Землероева.

Дура! Столичная лохушка! Овца безмозглая! Ведь селезенкой чуяла неладное, но прыгнула в постель!

О господи, как стыдно... Как же паршиво-то... Развели, словно засидевшуюся в девках нимфоманку!.. И ловко-то как. Антоша показал весь арсенал убойного любовника, на следу-

ющий же день позвал в Н-ск, пока детка сексом не пресытилась и думает: «С Антошей всегда так или это было премьерное выступление?»»

Дуся почувствовала, как запылали щеки, вспомнила о рыданиях в первую ночь после отъезда Антона... Нет! Антон остался в прошлом, в воспоминаниях, теперь есть только Крученый. Рецидивист и рэкетир. Специалист по дамочкам.

«Ур-р-р-рою гада!!! Найду и ур-р-рою!!!»

– Дусь, ты меня слушаешь?

– Да, – хрипло каркнула в трубку Землероева.

– Я как бы все. – Не убирая из голоса толику сочувствия, Павлов продолжил: – Ты бы, подруга, держалась от него подальше.

– Спасибо за совет, – мертвенно выговорила сыщица.

– Я серьезно.

– Я тоже. Ты и представить не можешь, Дима, как ты мне помог.

Павлов поднял существенный пласт проблемы, и теперь сыщица была уверена, что Ангелину умыкнули по приказу Воропая. Или, по меньшей мере, это были его люди. Воры, а не пролетарские-портовики и не третьи (шибко отмороженные) лица из кладоискателей.

И также Дусе показалось, что она догадывается, в каком месте могут держать Линку. В этом месте нет сотовой связи, там сплошь воропаевские места с кучей родственников в каждой окрестной деревне. Сережа не соврал про медведей, глухая там сторонка. Берлога. Воропаевская лежка.

Евдокия попрощалась с другом и осталась стоять в кустах. Поскольку Павлов не только высветил за пропажей Синицыной воропаевские уши, но и добавил Дусе геморроя: в прошлом году сыщица узнала от Нифаси, что адвокатом, вытаскившим сына смотрящего из СИЗО, была Алла Муромцева. И этот факт существенно рассорил Аллу с мужем. Подчиненные Максима Ильича с большим трудом обеспечили Крученому временное содержание на государственных хлебах, а Аллочка подследственного отмазала. Умело развалила дело.

На первый взгляд работа адвоката в том и заключается. Но это лишь на первый взгляд. Теперь Землероева доподлинно знала, *как* действует на женщин энский гастролер. Убойно. До печенок.

Дуся сквозь ветки сирени посмотрела на адвокатессу, шутливо водящую пальчиками за ухом мужа...

Красивая, холеная шатенка. Статусная дамочка. Мог гражданин Семенов эту даму охмурить?

Да как два пальца об асфальт! Возраст – на излете! Последняя лебединая песня, да и опасность будоражит, добавляет возбуждения...

Евдокия внезапно представила парочку, слившуюся в диком, подстегнутом экстримом сексе, и невольно скрипнула зубами.

Черт, черт! Это наваждение в ней навсегда застряло и будет повторяться?! Или... схлынет к завтрашнему утру?... Ночной сон дай бог притупит остроту...

Господи, какая мука! Тут о деле надо думать, а не голых теток представлять. Ведь главное тут что? Главное здесь – если Аллочка состоит в любовной связи с гражданином Семеновым, то наверняка боится потерять молодого любовника и делает ему подарки: приехавшую сыщицу преподнесет на блюдечке с каемочкой и ленточкой атласной перевяжет! Сиречь стукнет о появлении в Н-ске Дуси Землероевой. Поскольку, как и весь город, знает об интересе воропаевских к персоне.

Евдокия стремительно наметила план мероприятий. Еще полчаса назад она была уверена, что останется на ночевку у Муромцевых. Собиралась отдохнуть и выспаться, а завтра со свежими силами браться за розыски Синицыной. Теперь, подумывая о том, что знает, где находится подруга, внезапно очутилась в цейтноте.

Если получится вытащить Сеницыну наскоком, пока Аллочка (предположительно) не сообщила о приезде сыщицы (предположительно) любовнику, то ситуация значительно облегчится: воропаевские потеряют рычаг давления и не смогут диктовать условия. Так что действовать надо в срочном темпе! В деревне, где (опять-таки предположительно), держат Линку, нет мобильной связи, то есть о возникновении в городе Дуси туда надо сообщать курьером...

А тут уж кто быстрее. Люди, что приглядывают за беспечно влюбленной москвичкой, успеют подготовиться, или Дуся исхитрится умыкнуть Сеницыну хотя бы и обманом. Евдокия была практически уверена, что Линку никто в плену не держит. Зачем? Ей голову любовью заморочили, она останется в «берлоге» добровольно и без особенных хлопот.

Так. Время половина восьмого. Еще примерно полтора часа будет совсем светло. Надо успеть до темноты доехать до глухой полузаброшенной деревни и выдернуть оттуда Линку.

Евдокия приладила на лицо чуть виноватую мину и пошла к беседке. На Аллу Муромцеву старалась не смотреть, боялась поджечь взглядом.

– Тут, знаете ли, какое дело... – не присаживаясь за стол, заговорила сыщица. – Мне один местный приятель позвонил, предложил встретиться...

– Но ты вернешься?! – перебивая, воскликнула Елизавета Викторовна, только что пригостившая Дусе гостевую комнату.

Евдокия невразумительно повела плечом: – Не знаю. Как получится.

Максим Ильич свел брови к переносице.

– А позволь спросить, с кем ты собираешься встречаться?

Евдокия улыбнулась, как председатель совета дружины на пионерском слете – лучисто и открыто, помотала головой:

– Вам лучше этого не знать, Максим Ильич.

– Понятно, – буркнул городской начальник. Именно на подобную догадливость москвичка и рассчитывала. В прошлый раз, когда в провинцию Мирон нагрязнул, Александру Сергеевичу дали подвязки: вывели на пролетарских. А конкретно на одного из двух главарей группировки портовиков – обаятельнейшего Константина Павловича Митрохина, в определенных кругах известного как Семинарист.

Тогда Мирон и Дуся в основном контактировали с портовиками, так как с воропаевцами Саша грызню устроил. И если Алла сообщит о приезде сыщицы, то пусть воропаевские Семинариста и пасут. Ждут Евдокию там, поскольку перехватить ее на выезде с местной Рублевки уже никак не успевают.

Цейтнот, цейтнот, у всех цейтнот. И пока из-под Дусиных копыт побольше пыли вылетает, есть вариант успеть оторваться – за пылевой завесой проскочить.

– Надеюсь, ты нам отзовишься, – хмуро разглядывая улыбочивую пионерку, утвердительно проговорил начальник полиции. – Невзирая на время, еще сегодня.

– Конечно, Максим Ильич, – кивнула Землероева. – Я не буду доставлять вам лишнего беспокойства.

– Телефон не отключай, – буркнул таможенник Евгений.

– Обязательно. – Дуся поглядела на Елизавету Викторовну: – Простите за напрасные хлопоты, сегодня я заночую в городе.

Огибая стол так, чтобы прочие остались к ней спиной, сыщица выразительно мазнула взглядом по жене таможенника и быстро спустилась с невысокого крыльца беседки.

Тереза догнала Дусю уже на лестнице, ведущей к гостевым апартаментам дома, куда девушка направилась за своей сумкой. Остановилась на три ступени ниже и, опираясь о перила, поглядела снизу вверх на Евдокию. Догадливо поинтересовалась:

– Я могу тебе чем-то помочь?

– Да. Если машину дашь, сильно выручишь.

– Не вопрос. Сейчас доверенность напишу.

– А GPS-навигатор там есть? Я ваш город плохо знаю.
– И GPS, и спутниковая сигнализация. Еще какая-нибудь просьба будет?
– Да. Положи, пожалуйста, в бардачок машины бутылку хорошего крепкого пойла.
Подретушированные брови распрекрасной таможенной жены удивленно встали в форму домика.

* * *

Проехав КПП чиновничьего поселка, Евдокия нашла в телефоне один из местных номеров, нажала на вызов, и в трубке почти сразу раздался удивленный голос.

– Евдокия... ты, что ли? Привет! – ответил не поверивший глазам молодой воришка, когда на телефоне определилось имя вызывающего абонента.

– Я, Нифася. Привет. Ты где?

– Ну-у-у... В Н-ске, конечно!

– Можешь через полчаса быть на выезде с трассы от губернаторского поселка? У автобусной остановки.

– Могу... Не понял. Ты в Н-ске, что ли?!

– Да, – закладывая крутой вираж, подтвердила Землероева. – Как быстро можешь приехать?

– Минут через двадцать буду.

– Могу я попросить тебя никому не говорить о том, что я в городе?

– Ну типа да, – все еще удивляясь возникновению сыщицы, ответил паренек.

– Тогда жду.

Дуся отключила связь, хмуро бросила трубку на пассажирское кресло шикарной машины таможенной жены – Тереза ездила на миниатюрном алом кроссовере «Мерседес-Бенц ГЛА» – и утопила педаль газа в пол. Ехала и думала, насколько верно она сделала, доверившись Нифасе.

Нифася – воропаевец. Он шибко уважает Иваныча за приверженность старым воровским традициям. Батей величает.

Но Дусе парень обязан жизнью. Прошлым летом Землероева здесь круто выступила, должников заимела хоть пруд из них пруди. На машине одной из этих должниц сейчас, кстати, и ехала, второй покажет ей дорогу по глухим воропаевским местам...

Но вот сообщит ли Нифася бате о встрече с Евдокией?

Кабы знать... Зимой парнишка приезжал в Москву, уговаривал Дусю поехать в Н-ск на празднование его двадцатипятилетия. Мол, пацаны просили познакомить с сыщицей, которая столько дел в Н-ске наворотила. Земля слухами полнится, а девушку мало кто в глаза видел.

Но Евдокия отказалась. При одном упоминании Н-ска у сыщицы появлялся в животе ледяной комок, а в сердце заводились мыши. Приехать же на день рождения воропаевца – совсем немыслимо! Евдокия тогда, помнится, даже осторожно поинтересовалась: а не с подачи ли бати-смотрящего Нифася ее в гости зазывает?

Парень ответил невразумительно. Засмутился. Понять, хотел ли он похвастаться знакомством со столичной сыщицей перед друзьями, или умный *совет* получил, Евдокия так и не смогла. Ехать отказалась наотрез. Отправила поздравительную телеграмму.

И что теперь выберет Нифася – долг перед спасшей его девушкой или придерживится воровской солидарности (конкретно бате), станет ясно довольно скоро.

Если парень начнет опаздывать, Евдокия ждать не будет. Если приедет с кем-то, сыщица из машины не выйдет, а сразу развернет колеса и обратно к Муромцам направится. Появится один – Дуся посадит его рядом и тут же рванет к трассе, ведущей на северо-восток от города, и на хорошей машине либо оторвется, либо слезку засечет.

И позвонить кому-то Нифасе уже не позволит. Спасенный парень в драку за телефон не полезет, уж в этом-то сыщица была уверена.

* * *

При виде Евдокии воропаевец разродился сокращенным выражением «ни фига себе», давшим когда-то ему прозвище:

– Ни фа се! Дуська! Вправду ты!

Евдокия уже увидела, что парень приехал один на БМВ среднего возраста. Вышла из машины и позволила себя облапить. Сама пошлепала высокого костистого парня по спине:

– Привет, привет. Давай садись в мою машину – и поехали, нет времени.

Нифася поставил свой автомобиль на сигнализацию, уселся в таможенный «мерс» и провел рукой по изящным линиям приборного щитка:

– Нормальная лайба. – Улыбнулся. – Откуда?

– Тереза Муромцева одолжила, – не стала лукавить Землероева, так как не любила культивировать бессмысленную таинственность. В городе неплохо поставлено сарафанное радио, а номера у кроссовера приметные, блатные.

– О, – поднял брови воропаевец.

И замолчал. Судя по насупленным бровям, принялся ворочать мозгом. Прикладывать хвост к носу, стараться разгадать, а не вписался ли он в какую-то стремную тему? Точнее, не вписала ли его туда москвичка. Она здесь накосячит и уедет, а ему здесь оставаться, жить и разгрести лопатой оставшееся дерьмо... В прошлом году Нифася был шестеркой даже не козырной, сейчас, судя по неплохой машине, приподнялся. Так что не хотелось бы слетать под плинтус...

Вид насупившегося воришки насмешил. Евдокия фыркнула:

– Не дрейфь, дружище! Я своих не подставляю.

Нифася поглядел на дорогу, ведущую от города. Поерзал.

– Мы куда?

– По местам боевой славы, – хмыкнула сыщица. – Дорогу до деревни, где тебя ранили, уточнишь?

– А на фига нам туда на ночь глядя тащиться? – пожившись, все еще чуть хмуро и настороженно спросил воришка.

– Да есть интерес, – вильнула Землероева. – Проводишь, компанию составишь?

– Да я типа уже еду...

Факт не вызывающий сомнения. И, по большому гамбургскому счету, Евдокия понимала, что парня она все же подставляет. Возможно, что нехило. Вопрос лишь в том, просил ли Воропаев Нифасю докладывать обо всех контактах с московской сыщицей? Задать его вслух в принципе можно. Но не сейчас, когда парень так напряжен и подозрителен, а позже, ненавязчиво.

Или напротив – в лоб. Глаза в глаза.

Дуся глянула в зеркало заднего вида: за ними вдалеке лишь одна фура неторопливо ехала. Субботний вечер, трасса полупустая, любой хвост за километр виден.

Евдокия негромко выдохнула и покосилась на непривычно молчаливого Нифасю. «Интересно, о поисках модестовской значки он знает? Или информация пока гуляет только в вышних воровских и полицейских эшелонах?»

– Нифась, не дуйся, – ткнув воришку локтем в бок, попросила сыщица. – Открой бардачок, там есть бутылка виски, хлебни за встречу. А то как-то неудобно, едешь как неродной, будто я тебя в плен взяла...

Через десять минут, зажав коленями слегка отпитую бутылку, пацан уже благожелательно взирал на окрестности и болтал обо всем на свете. По обычаю маленько хвастал. «Бэху» свою расписывал, словно она болид «Формулы-1»:

– Пацаны так вовремя мне лайбу подогнали! Я только-только бабосы подкопил, только-только начал к «мерину» приглядываться... Но против моей «бэхи» «мерин» не поперет, я ее знаешь как отладил!

Тут взгляд воришки опустился на гламурную торпеду таможенной жены, Нифася сразу как-то заскучал и завздыхал.

– Нифась, а как у бати дела? Здоров?

Осторожно построенный вопрос сыщицы отчего-то вызвал подозрение.

– А ты чё спрашиваешь? – напрягся воропаец. – Знаешь что-то или...

– Да откуда же мне знать? – правдиво удивилась Землероева. – Спросила просто. Я ж с Иван Ивановичем знакома... О ком еще мне тебя спрашивать?

– Ну да, ну да, – заерзал на сиденье парень, едва бутылку не уронил. – Болеет батя. Вроде. – Посмотрел на сыщицу, не отвлекавшуюся от дороги. – Но как-то странно... Вроде как...

– Что – вроде?

– Да непонятно! – Нифася сел прямо, уставился вперед. Подумал. – А, – махнул рукой, – все равно узнаешь. Говорят, батя на покой решил уйти, смотрящим Конника поставить.

– Да ладно! – Неожиданное известие в самом деле поразило Дусю. – Конника? Портовика?

– Дак он один у нас в законе кроме бати, – уныло напомнил уркаган. – Кроме Василия Никитича, город брать некому... Он у нас один в авторитете, сходка только его по всем раскладам ставить должна...

Вот это номер. Пролетарские имеют относительно чистый промысел в порту, воры за этот жирный кусок с ними издавна сражаются! И вдруг... Воропаев добровольно отдает свой пост одному из пролетарских?..

Что в мире делается! Вот думаешь, все знаешь – что может быть, что невозможно в принципе, – и вдруг Монтекки и Капулетти зарывают топор войны, курят трубку мира и меняются домами. Нет повести загадочней на свете.

Хотя... Топор пока не зарыт. Топор как раз висит над Воропаем, пока модестовский компромат не найден.

А это значит... сдают у Иваныча нервы. Смотрящий на пределе и на взводе, раз чудить начал. Устал ждать: всплывет секрет или не всплывет? Решил пост сдать, отчалить от греха куда подальше. А напоследок кинуть кость врагам и рты заткнуть.

Ну не совесть же в самом деле у вора проснулась! Замазанные авторитеты и проворовавшиеся чиновники добровольно в отставку не уходят! Финт под лозунгом «Повинную голову меч не сечет» в среде чинуш и урок понимания не вызывает.

«Ох, как все страшнее и страшнее-то... Ох, закрутился карамболь... И все на мою голову», – вцепившись в руль, подумала Землероева. Неожиданное известие о предстоящей отставке Воропаева подействовало так, что Евдокия, собиравшаяся исподволь навести разговор на сына смотрящего, позабыла обо всем. Ехала, тиская руль потными ладошками, и прокачивала варианты предстоящего свидания с Синицыной. Линку надо увозить из Н-ска хоть в мешке!

Самой, вероятно, придется оставаться.

И тут уже как карта ляжет: может быть, придется просить помощи у Миронова. Решать с ворами «полюбовные» вопросы получается лучше, когда за твоей спиной стоят серьезные люди. Причем желательно не из полиции.

Погруженная в тяжелые мысли Евдокия не заметила, как быстро на отличной машине проскочила внушительный отрезок до поворота на проселочную дорогу. Под руководством

штурмана Нифаси проехала пару деревень и свернула на ухабистую грунтовку, ведущую к полузаброшенной лесной деревеньке. Покосилась на замолкшего штурмана и подумала: «Нифасю брать на разговор с Синицыной нельзя. Если Линку все-таки удерживают силой, он может превратиться в пятую колонну – ударит в спину. И даже если не ударит, толку от него все равно не будет, со своими из-за чужих девчонок он не сцепится».

Наивной деткой Евдокия Землероева уже давно не была. Нифасю решила оставить за околицей и обработать под благородным предлогом.

Пассажир к бутылке больше не прикладывался, пару раз совсем непрозрачно намекал сыщице: «Может, я лесом тачку поведу? Я тут типа каждый поворот знаю...» Но Евдокия пообещала уступить руль на обратной дороге: взбеленившуюся Линку, не исключено, придется на заднем сиденье фиксировать, и шофер не помешает.

Не выезжая на опушку перед деревенькой, Евдокия остановила кроссовер за деревьями, повернулась корпусом к приятелю воришке и в ответ на его удивленный взгляд произнесла:

– В деревню, Нифася, въезжать не будем.

– Почему?

– Помнишь, я тебе сказала, что своих не подставляю?

– Ну.

– Так вот. В деревню ты со мной не пойдешь. Останешься здесь. Если я не вернусь через час, езжай обратно в город и поступай как знаешь. Можешь Воропаю позвонить, сказать, что я приехала и ты меня отвез сюда. Можешь никуда не звонить, а водки выпить с пацанами и баиньки лечь... Дело твое. Один совет. На тачке этой, – Евдокия шлепнула ладонью по приборному щитку, – не фасонь. Начнешь по городу кататься, остановят – не отмоешься. Понял?

– Угу. – Нифася шумно сглотнул. – А почему ты не вернешься? Чё ты в этой деревне забыла?

– Меньше знаешь – легче спишь, – выбираясь из салона, напутствовала Евдокия. И, задержавшись у двери, добавила: – Прими как совет. Доедешь до города, оставь машину на стоянке у ГУВД или в порту и дуй к Воропаю. Не упusti момент, появится возможность отличиться.

– Я бате могу все-все сказать? – наклоняя голову так, чтобы лучше видеть лицо сыщицы, поинтересовался приятель.

– Конечно. В прошлом году мы с Иван Ивановичем тепло расстались. Передашь привет.

Евдокия прихватила сумку, где лежало кое-что из рабочего арсенала сыщика, и отправилась к деревне, где жилыми остались только несколько домов. Остальные, почти до крыш в бурьяне, стояли заколоченными. Проходя мимо первого на околице дома, Евдокия почувствовала, как запрыгало сердце под ребрами: в этом доме ее держали заложницей, но сегодня там не светились окна. Дверь забита диагональным крестом из серых досок.

А сыщица думала, что найдет Синицыну именно в нем. Расстроилась. Но пошла дальше, до небольшого изгиба улицы.

Пройдя еще два заброшенных заросших дома, Евдокия ушла в тень покосившегося забора и пригляделась.

В сиреневом вечернем сумраке по улице не гуляли даже куры. Возле одного из палисадников стоял приличный вседорожник. Дом через улицу от машины тоже выглядел жилым: из-за заборов в небо поднимался дымок, наверное, от затопленной баньки.

Евдокия достала из сумки миниатюрный мощный бинокль, приложила его к глазам и рассмотрела виднеющееся из-за штакетника подворье. На завалинке различалась какая-то крупнокалиберная тень, при помощи бинокля Землероева разглядела упитанного бугая.

Бугай подремывал.

Но почему-то не в доме. На улице комаров кормил.

Паршиво. Возможно, это один из охранников-воропаевцев.

Евдокия уже собралась уйти за поворот, перебраться на другую сторону улицы и дальше: огородами, огородами, в тыл бугаю... Но вдруг услышала совсем поблизости звонкий голос Линки:

– Сerezка, ну отстань!

Голос шел от подворья с затопленной банькой! Дуся стремительно рванула на себя покосившуюся калитку и поняла, что пройти заросшим двором до соседнего участка с Линкой получится, лишь выкашивая впереди себя тропинку: двор зарос толстенными высокими стеблями, перепутавшимися в непроходимые дебри.

Собираясь поворачивать назад и идти в обход огородами, Евдокия внезапно замерла: через улицу мимо вседорожника шагал Сергей с баннным полотенцем на шее. Распаренную рожу утирал.

Дуся рухнула на землю в лопухи! «Питерцу» достаточно немного повернуть голову – от него Землероеву на загораживал штaketник и тощие сливовые деревья, – и он сразу же увидит непрошеную гостью!

Но Серый прошел во двор. Поговорил о чем-то с бугаем, и они оба направились в дом.

Не раздумывая ни секунды, Евдокия дала себе команду «Вперед!», взяла скорость с низкого старта от лопухов и понеслась к калитке, из которой только что вышел «питерец». Проскочила улицу, прошмыгнула в дверцу, собралась до поры до времени забиться в какой-то угол и приглядеться, а там решать: в зависимости от настроения Линки переть тараном или ждать иного удобного момента?..

Но почти сразу же наткнулась на Синецину. Ангелина, мурлыча песенку, развешивала на веревке полотенца и мокрое бельишко. Выглядела подруга полноценной пейзажкой: ситцевый сарафанчик на влажном после бани теле, пластмассовые розовые шлепанцы в налипших травинках, покосившийся тюрбан из полотенца на голове. Похудевшая. Почти до неузнаваемости.

Ангелина повернула голову на звук шагов...

– Дуся?.. Ты?! – Шмякнув мокрый жгутик из маечки обратно в таз, Линка бросилась к подруге. – Дуська-а-а-а! Приехала!

Заложницей Синецины никак не выглядела. Похудевшая, похорошевшая и загорелая, она повисла на подруге.

– А где Антон? – спросила Евдокию.

– Антона нет, – внушительно сказала сыщица. Взяла Ангелину за руку и легонько потянула к калитке. – Нам надо уезжать отсюда, Лина. Срочно.

– Зачем? – удивляясь, но не вырывая руки, проговорила Синецины.

– Твой папа в больнице, положение тяжелое, тетя Вера попросила меня срочно тебя привезти. Срочно, Лина, срочно, нельзя терять ни одной минуты!

Болтая и накручивая лжи, Евдокия тянула Линку к воротам, надеялась так и увести подругу со двора, пока та в шоке от известия, а дальше видно будет. Главное, чтобы Серега не вернулся!

Но Линка замерла, словно упрямая ослица. Выдернула влажную ладошку из руки подруги.

– Когда папа попал в больницу? – спросила, нахмурившись.

– Вчера! Пойдем, Лина, я взяла билет на ночной рейс, нам надо торопиться!

– Ты врешь, – неожиданно пригвоздила Синецины. – Сергей сегодня ездил в магазин, активировал мой телефон, там куча упреков от мамы, но ни слова о больнице. Ты – врешь.

Стоя напротив подруги, Евдокия устало сомкнула ресницы. Облом. Попалась. Взяла неверную ноту с разгона, а теперь...

Сыщица открыла глаза и поглядела в упор на покрасневшую уже не только от бани подругу.

– Ангелина, поверь мне. Нам надо отсюда уезжать. Прямо сейчас. Сергей тебя обманывает, он *опасен*.

– Да-а-а? – картинно изумилась Линка. – А мне кажется, это ты меня обманываешь.

– А почему он не дает тебе связаться с близкими? – нашлась Евдокия.

– А с чего ты решила, что это он мне не дает? – в ответ с усмешкой воткнула Линка. – Это, дорогая, я у него телефон отобрала!

В нескольких красочных выражениях Сеницына обрисовала ситуацию. Богатое воображение Землероевой дополнило рассказ необходимыми нюансами, и получилось вот что.

Первые несколько дней после приезда в Н-ск Сеницына подыхала от скуки. Сергей, даже если вырывался к ней, постоянно отвлекался на телефонные звонки. Ему звонили днем и ночью. Линка, в лучших традициях капризных подружек, уже начала отнимать у него мобильник. И вот когда нескончаемые звонки довели Сеницыну до белого каления, Сергей сказал:

– Согласен. Отдохнуть нам здесь не дадут. А я хочу быть только с тобой. Хочу проверить наши чувства, понять – достаточно ли нам общества только друг друга... Я выключаю телефон, мы едем в местность, где не будет вообще никакой связи. Ты согласна на такую жертву? Готова ради меня на месяц отказаться от подруг, мамы и звонков... Или?..

Какие тут могли быть «или»?! Сеницына вытащила из мобильника сим-карту и вручила ее Сергею как билет в счастливую жизнь!

Полюбопытного уединения, правда, не получилось. В деревню, куда Сергей привез подругу, нагрянули его приятели. Но влюбленным они не сильно мешали, Сергей сейчас пошел в дом напротив, так как еще днем сказал парням: «Не затопливайте баню, вечером идите к нам, жара на всех хватит». Парни ездили в ближайшее село до магазина, обещали поделиться пивом.

Сеницына смотрела на Евдокию, как разозленный пролетарий на зажавшуюся лживую буржуазию. Взглядом была не хуже, чем булыжником.

В прошлом году, вернувшись в Москву из Н-ска, Землероева ничего не рассказала подружке об энских событиях. Так застрашала саму себя, что при малейшем упоминании Н-ска язык отказывался ворочаться! Хотя обычно, не трогая имен клиентов, Евдокия рассказывала Линке какие-то курьезные случаи из своей сыщицкой деятельности.

Но только не тогда.

Сейчас отчаянно жалела.

Позади Землероевой громко хлопнула напружиненная калитка. Взгляд Сеницыной переместился мимо Дуся, сделался из разозленного насмешливым.

– Сереж, ты вовремя. Дуся говорит, что ты *опасен*.

– С чего это вдруг? – в тон ответил «бизнесмен из Питера».

Евдокия обернулась. Во дворе стояли трое с полотенцами в руках: Серега, давешний бугай и еще один немаленький мужчина с наколками на предплечьях. Два незнакомца смотрели на сыщицу хмуро, Сережа с интересом.

– Привет, привет, проказница. А где Антоха?

– Ты о Крученом? – чувствуя, как подрагивает голос, с издевкой уточнила Дуся.

В глазах Сергея промелькнуло странное выражение – то ли жалость, то ли досада. Но он не повелся на ловушку, не стал показывать Ангелине: что-то здесь не чисто, раз какой-то Крученый в разговоре образовался. А сделал удивленное лицо.

– Не понял. Ты о чем?

– Проехали, – прошипела Землероева. Проигрывать она умела.

То, что при любом раскладе ее вместе с Линкой отсюда не выпустят, Евдокия поняла сразу. Что бы она ни сказала Сеницыной, как бы ни подлавливала Сережу на враках, обеих девушек уже не выпустят. Уйти бы одной. Уйти и разруливать ситуацию с людьми, ее затеявшими. Сережин номер – двадцать пятый с краю.

Евдокия повернулась к подруге. С лица Синицыной уже исчезло насмешливое выражение: два соседа, стиснувшие скулы, выглядели очень странно. Да и Сережа как-то... что-то... Почувать можно, но не уточнишь.

И Дуся испугалась. До сегодняшнего вечера с подругой обращались лучше некуда: поили-кормили, развлекали, в баньке парили. Если Синицына сейчас сорвется в выяснение отношений, с двери дома неподалеку могут снять наложенные крестом доски.

А Евдокия знала, что в том доме есть узкая, как пенал, комната, а в ней кровать с панцирной сеткой, к изголовью которой пристегнуты наручники.

– Лин, ты меня прости, – по-пионерски улыбнулась Дуся. – Я твоей маме слово дала, что притащу тебя на собеседование.

– Землероева, – прищурилась подруга, – ты дура, что ли?

Евдокия покаянно развела руками.

– Как видишь. Дура.

Но Линка уже начала что-то подозревать, распахнув беспомощные голубые глазищи, посмотрела Сергея.

– Сережа, что тут происходит?..

– Да дура я! – не давая «бизнесмену» слово вставить, радостно выкрикнула сыщица. – Хотела тебя отсюда увезти, с одним хорошим человеком познакомить! Воропаевым Иван Ивановичем. Классный мужик. В должниках у меня ходит.

Говоря с подругой, Евдокия поворачивалась к двум охранникам и меняла выражение лица и взгляда. С дурашливого на серьезное, внушительное.

– Как, парни?.. Никто со мной до Иваныча съездить не хочет?

Мужики подвигали вперед-назад губами, вроде как подумали...

– Ну, – снова поворачиваясь к Линке, уже улыбалась Дуся, – не подфартило, извини, подруга, в другой раз с Иванычем познакомлю.

Евдокия подошла к Синицыной, стиснула ее в объятиях. Обратила внимание, как пристально Сергей приглядывает за ее губами, почти воткнувшись в ухо Ангелины.

«Не, шутишь, брат. Ничего шептать не буду. Желания обеспечивать Синицыну железной койкой и наручниками как-то не имею».

– Прости меня, Лина, – громко выговорила Евдокия и поглядела на Сергея. Сделала шутливо грозные глаза и погрозила пальцем: – Смотри у меня, самое дорогое тебе оставляю! Не балуй, девочку мою не обижай.

Линка переводила взгляд с Сергея на подругу, понимала – происходит нечто странное! Но Евдокия была уверена: через час-другой Сережа все сомнения развеет. Спишет на ревность, на глупость, на «показалось»...

Влюбленная женщина смотрит на мир глазами своего мужчины.

Евдокия достала из кармана мобильный телефон и со словами «Это для мамы, я ведь обещала доказать, что с тобой все в порядке» навела его объектив на одиноко стоящую Синицыну. Краем глаза засекла, как Сережа взмахом ресниц дал понять мужикам: порядок, пусть фотографирует живую и здоровую заложницу. Мол, все равно к Иванычу отсюда поедет.

– Порядок, Линка! Как только буду в зоне действия связи, сразу же отправлю фотку тете Вере. – И укоряюще покрутила головой: – Пока ты тут развлекаешься, тетя Вера вся извелась... Нельзя так, Лина.

После этих слов и упоминания о маме Синицына бросилась обнимать Евдокию, слезно залепетала:

– Прости, прости, я виновата, привет маме передай!

В конце концов каждый верит в то, что ему угодно.

Евдокия еще немного пообнималась, буквально с рук на руки передала хлюпающую носом Синицыну «питерскому бизнесмену». И повернулась к мужикам:

– Ну что? Проводит кто-нибудь девушку до машины? Темно уже... – Шепнула: – Лица попроще сделайте, девочку мою не пугайте. Вам же с ней потом возиться.

Парни придали рожам толику игривости, молча повесили полотенца на штaketник. Бугай открыл для Евдокии калитку и придержал, пока сыщица танцующей походкой выходила на улицу.

С улицы через невысокий заборчик Евдокия помахала Линке рукой. Синицына стояла в обнимку с Сергеем, ладошкой вслед потряхивала. И выглядела до абсолютной, первозданной глупости счастливой.

– Тачка на опушке, – сообщила Дуся воропаевцам и, не желая встречать с ними в пустые разговоры, быстро пошла по дороге впереди них. Думала, насколько верно поступила?

В принципе главное дело Евдокия сделала: нашла Синицыну. И по большому счету, можно было бы не возникать, а оставаться здесь и ждать приезд ОМОНа. Просьба Максима Ильича быть на связи и не отключать мобильный телефон не была пустым звуком. Гражданин начальник господин серьезный: если сегодня Евдокия не выйдет на связь, а ее телефон не будет отвечать, машину Терезы пробьют по спутнику и выяснят, в каких местах бывала гостя. Это для Евдокии название заброшенной деревни, где ее держали прошлым летом, осталось тайной. Для господ из РУБОПа здесь ничего таинственного нет: как только Дуся пропадет, за ней сюда конкретно и нагрянут первым делом.

Так что можно было оставаться, поскольку спасение Синицыной стояло первым на повестке дня. И Евдокия так и поступила бы! Если б не мысль: захватив уже и Дусю, воропаевцы почти наверняка сменили бы дислокацию. Девушек, скорее всего, перевезли бы в другое место моментально уже этим вечером. Раз Евдокия сама приехала за Линкой, то могла кому-то сообщить о направлении и цели поездки.

А кроме этого, присутствовал еще один момент: позволив Муромцам себя выручить, Евдокия потеряла бы контроль над ситуацией, лишилась мобильности и права на свободу маневра. Ильичам только дай кого под крыло засунуть... Сомнут со всей любовью и ответственностью.

Да и к Воропаю после разгрома его берлоги уже не сунуться. А вопрос с ним как-то нужно разрешить.

У «мерина» из таможенной «конюшни», по-хозяйски опираясь задом о капот, покуривал Нифася. Дусю в двустороннем оформлении разглядел еще издали. Мужиков-конвоиров, разумеется, узнал, ослабил, когда те подошли:

– Здорово, здорово... Вот где вы, черти, загораете! – Пожал обоим руки.

Евдокия начала работать на опережение. Пока два дивно молчаливых бугая рты не разинули, воткнула вопрос:

– Нифася, куда я тебе сказала ехать отсюда?

– Ну-у-у... – привычно затянул воришка.

– Короче!

– К Иванычу. К бате, – четко отрапортовал воропаевец.

Дуся обернулась к конвоирам и выразительно задрала брови.

– Все слышали? Я вас обманула?

– Точно-точно, – вякнул из-за ее спины разговорчивый свидетель, догадавшийся, что возникли какие-то терки и требуется подтверждение, – к Иванычу велела ехать...

– Нифася, помолчи! – рывкнула Землероева. Все главные слова уже произнесены, уточнения теперь без нужды. Вредна конкретика. – Я вам говорила правду. Нифасе вы доверяете?

Мужики переглянулись. Пожали плечами. Телефонов нет, никто не ожидал, что Землероева сюда заявится, и никаких отдельных распоряжений относительно нее не поступало, а Синицына – на месте. Улыбается и тискается.

– С Крученым и Иванычем я сама поговорю, – с интонацией большого начальника проговорила Землероева и буркнула: – Нифася – за руль.

Довольный воришка поскакал руководить новехоньким кроссовером. Мужики потоптались-потоптались, в репах почесали-почесали и расступились позволяя «мерседесу» развернуться.

Нифася поглядел на них в зеркало заднего вида.

– И чё это было? – спросил со щенячьим любопытством. – Чего Вован и Батон на тебя так вызверились?

– А, – махнула рукой Землероева, – ерунда, не вникай. И если не трудно, не приставай, пожалуйста, с вопросами, мне подумать надо.

А про себя добавила набившую оскомину поговорку: «Меньше знаешь – легче спишь, дружок».

Как только машина въехала в зону связи, Евдокия позвонила Вере Анатольевне, сообщила, что встретила с ее влюбленной доченькой. Фотографию Линки с полотенцем на голове отправила. Потом позвонила по домашнему номеру телефона Муромцев.

– Елизавета Викторовна, – заговорила смущенно, – простите окаянную! Вы еще не закрыли на ключ комнату, в которой мне постелили?

– Нет, Дусенька! – Вдова, конечно, помнила, кто нашел убийцу ее мужа, и к Евдокии относилась с искренней сердечностью.

– Я еду к вам. Не откажете в ночлеге?

Прослушавший весь разговор Нифася недоуменно цыкнул зубом:

– А я думал, мы к бате едем.

– С чего это ты взял?

– Ну-у-у... ты с пацанами об Иваныче говорила.

– Говорила. Но не о том, что на ночь глядя к нему еду. Вот если бы я не вернулась... – многозначительно протянула сыщица. – Но ты не переживай. Сегодня будет повод отличиться. Приедем к городу, я к Муромцам, ты сядешь в свой БМВ и можешь звонить бате с докладом. Скажи, что я приехала, с Вованом и Батоном пообщалась. Связь с Иванычем буду держать только через тебя и никак иначе. Понял?

– Угу. – Довольное «доверенное лицо» с разгону едва не утопило «мерседес» в огромной луже жидкой грязи.

А Землероева подумала, как хорошо, что немцы делают неубиваемые тачки. В противном случае лихач Нифася развалил бы машину, не проехав и полпути до асфальтированной трассы.

* * *

В понедельник утром Евдокия выехала из губернаторского поселка на служебной машине начальника Городского управления внутренних дел. Все воскресенье на телефон сыщицы шли звонки: раз десять позвонил Нифася, несколько абонентов не авторизовались, один раз позвонил Антон... Крученный.

Но Евдокия не ответила никому. Чего ждать от Нифаси, она знала: почти наверняка поступит приглашение на разговор от Воропаева. С Крученым не о чем беседовать.

Стоит только трубку взять, кто-то обязательно начнет давить. Если Евдокия в чем-то откажет, с Линкой могут поступить неблагородно.

Делая нервическую воскресную паузу, Евдокия ждала звонка от одного человека. Была почти уверена, что информация о ее появлении в городе до него обязательно протечет.

Но не срослось. Константин Павлович Митрохин (Семинарист) не позвонил. А Евдокия не отваживалась идти на решительный разговор со смотрящим, не узнав, чем город дышит со стороны его противников от криминалитета. Муромцы посвятили ее в события с точки зрения

правоохранительных структур, что делается на противной стороне, как реагируют на ситуацию главари криминальных группировок – пойдди пойми. Воропаев отказывается от должности, здесь может быть закопана серьезная собака, не зная подоплеки, можно нарваться... или использовать.

И лучше чем Семинарист-Митрохин советчика здесь быть не может. То, что о Семинаристе знала Евдокия, говорило ей о многом. В девяностые он, Вася Конник и еще шесть их приятелей сколотили и возглавили группировку пролетарских (по местожительству – Пролетарскому району города). До нулевых дотянули только Семинарист и Конник. Василий Никитич выжил благодаря тому, что в лихие времена на зонах отсиделся. Семинарист руководил группировкой (уже портовиков), ни разу лагеря не нюхав. Как Константин Павлович исхитрялся держать в узде темпераментных подчиненных, в большинстве своем – сидельцев, одному Богу известно. По вытекающей: умен и осторожен – нереально. И разговору с Палычем Евдокия отводила задачу первоочередной важности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.